

УДК: 821.161.1-1:801.661

Ж. А. Кононова**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. БАЛЬМОНТА В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

Перевод всегда был одной из форм межнационального общения и, следовательно, становился объектом сравнительного изучения. Первой попыткой систематического обсуждения перевода в русской литературе явился сборник «Принципы художественного перевода», составленный К. Чуковским и Н. Гумилевым в 1920 г. Вехой в обсуждении проблем перевода, сместившей понимание задач и критерии оценки, явилась статья В. Бенъямин «Задачи переводчика» (1923 г.)

Перевод совершается между двумя языками и двумя культурами, которые не могут совпадать по своим возможностям и уровню зрелости. Переводимость – так поставил Бенъямин проблему перевода как компаративную. Именно так рассматривается она сегодня.

Целью данного исследования является анализ становления и развития русской школы перевода, в рамках которой происходит формирование переводческой манеры одного из представителей русского символизма – Константина Бальмонта, обогатившего русскую переводную литературу шедеврами мировой литературы.

Появившись в России лишь в XVIII веке, литературный перевод развивался столь стремительно, что переводных произведений было больше, чем оригинальных. Для поэтов не было существенной разницы между оригинальными и переводными стихотворениями: «основным требованием к обоим было обладание качествами высокой поэзии» [16, с. 5]. Переводы были призваны высветить возможности русского поэтического языка, расширить диапазон творчества поэтов оригинальных. В результате появлялись новые жанры, новые художественные приемы, оттачивался язык. Так работы символистов обогатили русское стихосложение неизвестными ранее размерами: переводы А. Блока из Г. Гейне ввели дольник, переводы К. Чуковского из У. Уитмена считаются предтечей русского футуризма.

На рубеже веков русская литература продолжала обогащаться за счет других национально-поэтических культур. Русский символизм считал перевод непременной частью поэтического творчества каждого поэта. Люди высочайшей образованности, непринужденно владевшие многими языками, поэты Серебряного века свободно ориентировались в современных им европейских литературах, вдохновлялись стремлением «европеизировать» русскую поэзию, перенести на русскую почву мировой художественный опыт.

«Органическая близость своего и чужого, ставшего своим», характерна для многих поэтов-символистов – И. Анненского, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Блока. Ф. Сологуба, Вяч.Иванова [16, с. 5]. У Анненского, например, переводы «не образуют какого-нибудь особого раздела, а перемежаются со стихотворениями оригинальными... Оригинальное и переводное соседствуют очень близко» [13, с. 42].

Космополитический характер поэтического мышления, поиск единства мировой души свойственны многим символистам, К. Бальмонту в наивысшей степени. Человек «огромных, живых универсальных знаний, бесконечно любопытный и жадно поглощавший все, что рождала мировая культура», Бальмонт, по своим интересам и характеру произведений, был космополитом [11, с. 4]. Его сердце было открыто всему человечеству и его культуре. Как писала о нем Н. Тэффи, для Бальмонта «было естественным в Польше проникнуться всем польским. В Японии он чувствовал себя японцем, в Мексике – мексиканцем, ясно, что в Варшаве он был поляком...» [12, с. 60].

Вряд ли кто из русских писателей так много путешествовал, как Бальмонт: он совершил два круглосветных путешествия, посетив самые разные страны – цивилизованные и экзотические; посвятил много стихов чужим краям, переводил с разных языков. Как сообщал сам поэт: «Я читаю без затруднений на языках – французском, английском, немецком, испанском, итальянском, шведском, норвежском, польском, португальском, латинском. Прикасался к египетскому, еврейскому, китайскому, японскому, к языкам Мексики...

Занимался еще грузинским и кое-как разбираюсь в греческом. Лепетал, в путях, по-самоански и по-малайски. Все это богатство манит...» [16, с. 15].

Бальмонт переводил поэтов всего мира – уже в первую свою книгу «Сборник стихотворений» (1890 г.) он включил переводы из Г. Гейне, Н. Ленау, А. Мюссе. Поездка в скандинавские страны (1892 г.) положила начало его переводам из Г. Брандеса и Г. Ибсена. В 1893–1899 годы Бальмонт издал сочинения П. Б. Шелли, в 1895 году – переводы Э. По, признанные впоследствии хрестоматийными. В переводе Бальмонта вышли девять драм П. Кальдерона (1900 г.), «Кот Мурр» Э. Т. Гоффмана (1893 г.), «Саломея» и «Баллада Редингской тюрьмы» О. Уайльда (1904 г.). Бальмонт переводил стихи английских поэтов (У. Блейка, Дж. Г. Байрона, А. Теннисона, Дж. Мильтона), испанских поэтов (Лопе де Вега, Тирсо де Молину). Среди переведенных им французов – Ш. Бодлер, А. де Мюссе, Сюлли-Прюдом, из итальянцев – Дж. Леопарди, и еще много поэтов Польши, Германии, Австрии.

Бальмонт также обогатил русскую словесность переводами из древнеегипетской поэзии, из поэтических сказаний и песен ацтеков, народов Индии, Ассирии, Древнего Китая, скандинавских друидов; он переводил с древнегреческого орфические гимны и Сафо, грузинскую эпопею Ш. Руставели, рубаи Омара Хайама.

Важным для литературоведения считаются выполненные Бальмонтом переводы «Истории скандинавской литературы» Ф. Горна (1894), «Истории итальянской литературы» А. Гаспари (1895–1897), «Истории живописи» Р. Мутера (1900–1904).

Как видим, Бальмонт необыкновенно широко охватывал мировую литературу, открывая читателю новые поэтические миры. Вместе с тем, не все работы Бальмонта оценивались высоко. Серьезные нарекания критиков вызывали его переводы Г. Ибсена, Г. Гауптмана, У. Уитмена. Главное обвинение, предъявляемое Бальмонту – это «безответственное вольничанье» [6, с. 142], «целая система отсебятин» [15, с. 64]. М. Цветаева отмечала, что, изучив шестнадцать языков, Бальмонт писал на особом «бальмонттовском семнадцатом

языке» [14, с. 127]. Столь яркая творческая индивидуальность поэта приводила, по мнению критиков, к тому, что «... он при всем своем отличном таланте не способен отразить в переводах индивидуальность другого поэта... Шелли становится до странности похож на Бальмонта... полу-Шелли, полу-Бальмонт – некий, я сказал бы, Шельмонт» [15, с. 65]. Впоследствии Н. Заболоцкий именно Бальмонта привел в качестве примера переводчика, который в переводах «интересуется не переводимыми поэтами, а своей собственной особой» [5, с. 284-285].

По отзыву М. Волошина «... произведения всех поэтов были для него лишь зеркалом, в котором он видел лишь отражение собственного своего лика в разных обрамлениях» [4, с. 195]. В большей мере, по мнению В. Брюсова, это является свидетельством глубокой индивидуальности Бальмонта, открыто выраженным нежеланием быть «простым пересказчиком чужих стихов» [3, с. 295].

Многие критики (Е. Эткинд, В. Орлов, А. Даллакян) сходятся в том, что, переводя поэтов, близких ему по творческой манере, Бальмонт достигал больших успехов. Когда же поэтический мир оригинала был далек от переводчика, перевод оказывался вольным и субъективным. Так Н. Любимов заметил, что «всего ближе Бальмонту дух английской поэзии. У Бальмонта есть... настоящие шедевры, как, например, “Колокола” Э. По» [8, с. 260]. Высоко ценил его переводы из Э. По и такой строгий критик, как А. Блок: «Э. По требует переводчика, близкого его душе, непременно поэта, очень чуткого к музыке слов и стилю. Перевод Бальмонта удовлетворяет этим требованиям, кажется, впервые» [2, с. 493]. Заслугу Бальмонта – переводчика Шелли признает Б. Пастернак: «В свое время этот труд был находкой, подобной открытиям Жуковского» [10, с. 394].

Именно переводы из английской поэзии (Шелли, Уайльда, Э. По) считаются вершиной Бальмонта-переводчика: «Английская поэзия родственна поэзии Бальмонта... Тут мы имеем дело со слиянием индивидуальности поэта-переводчика с индивидуальностями поэтов, которых он воссоздал на русском языке» [8, с. 260].

Неоднозначные, противоречивые оценки переводческого метода Бальмонта во многом обусловлены обострившейся на рубеже веков борьбой двух школ – вольного и буквального перевода. Если переводы Бальмонта оценивали в рамках традиции вольного перевода, то они получали положительный отзыв, но в связи с тем, что в начале XX века традиция буквализма становилась все более популярной, поэта резко критиковали за излишнее «вольничание».

Как известно, большинство переводов XIX века не столько воссоздавали, сколько пересказывали подлинник, что приводило к нивелированию его художественного своеобразия. В начале XX века определилось стремление «вернуться к подлиннику» и воссоздать его с максимальной достоверностью и точностью. При этом весьма важным считалось воспроизведение формальной структуры подлинника. Подобная позиция нередко приводила к буквализму, к потере поэтической ценности переводимого, что было совершенно неприемлемо для Бальмонта. Характер его работы над переводом, его подходы и методы предполагали значительно большую свободу в отношении переводимого текста, чем это было принято в переводческой практике того времени. Поэтический перевод для него – это «соучастие душ, и поединок, и бег вдвоем к одной цели». При этом поэт признает, что произведение искусства «единично и единственно в своем лике» и дать в переводе художественную равноценность – задача невыполнимая: «...Иногда даешь точный перевод, но душа исчезает, иногда даешь вольный перевод, но душа остается... поэтический перевод есть лишь отзвук, отклик, эхо, отражение... И отражение есть лишь смутное воспроизведение лица. Но при высоких качествах зеркала, при нахождении удачных условий его положения и освещения, красивое лицо в зеркале бывает красивей и лучезарней в своем отраженном существовании. Эхо в лесу – одно из лучших лесных очарований» [1, с. 3].

Подобное понимание поэтического перевода созвучно убеждениям многих выдающихся переводчиков XIX–XX века. Бальмонт опирался на традицию вольного перевода В. Жуковского, А. Введенского, И. Анненского. В дальнейшем этой традиции придерживался

Б. Пастернак, А. Ахматова, Н. Любимов, В. Левик. Все они выступали против буквализма, за отношение к переводу, как к творческому процессу, подчеркивали первостепенность передачи своеобразия атмосферы подлинника, его художественно-эстетического воздействия на читателя. Переводы для них должны быть, прежде всего, художественными произведениями, способными «становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью» [10, с. 394]. Они должны звучать как оригинальный русский стих и «качество стиха – это основное мерило художественной ценности» [7, с. 273].

Еще Гете сказал: «Перевод должен быть вольным, но на вольность надо иметь право» [7, с. 269]. Высокий поэтический талант Бальмонта в определенной степени дает ему такое право; личность поэта столь масштабна, что она ощутимо проявляется в переводимых текстах. Как результат, переводы Бальмонта органично встраиваются в контекст его оригинальной лирики. Они насыщены образами и мотивами, присущими мироощущению Бальмонта и модернистской поэзии конца XIX – начала XX века.

Следуя своим переводческим установкам, Бальмонт прежде всего отражает в переводах образность, содержание, философию подлинника. При этом он нередко позволяет себе отступить от формы оригинала, принося ее в жертву содержанию. Для более точной передачи мысли он может изменить количество строк, рифму, размер, домыслить фрагменты текста, пересказать их. Подобные изменения, как правило, обусловлены тем, что форма текста, а иногда и образная система, преломляются сквозь видение Бальмонта-поэта.

Переводы Бальмонта представляют собой своего рода интертекст, в котором часть образной системы связана с художественным миром подлинника, а часть – с лирикой Бальмонта. В тех случаях, когда стиль исходного текста близок стилю Бальмонта, перевод оказывается адекватным и точным. Когда же поэтический мир оригинала далек от переводчика, перевод получается вольным и субъективным, так как поэт-переводчик опирается прежде всего на собственное художественное мироощущение.

Так или иначе, без переводов Бальмонта Серебряный век непредставим. За ним давно признана «неоспоримая и крупная культурно-просветительская заслуга» [9, с. 71]. Являясь частью общего процесса сближения и обогащения национальных культур, переводы Бальмонта расширяют границы оригинала, вводя его в иноязычное культурное пространство, с одной стороны, и способствуют приобщению национальной культуры к мировым литературным ценностям, с другой.

Литература

1. Бальмонт К. О переводах / К. Д. Бальмонт // Россия и славянство. – Париж, 1932. – № 192. – С. 2-3.
2. Блок А. Записные книжки / А. А. Блок. – М.: Художественная литература, 1965. – 498 с.
3. Брюсов В. Собрание сочинений: в 2 т. / В. Я. Брюсов. – М.: Искусство, 1987. – Т.2.: Фиалки в тигеле. – 1987. – С. 295-298.
4. Волошин М. В защиту Гауптмана. По поводу перевода Бальмонта / М. А. Волошин // Русская мысль. – 1900. – № 5. – С. 193-201.
5. Заболоцкий Н. Избр. произв.: в 2 т. / Н. А. Заболоцкий. – М.: Художественная литература, 1972. – Т. 2: Заметки переводчика. – 1972. – С. 284-285.
6. Кашкин И. Текущие дела / И. А. Кашкин // Мастерство перевода: 1953. – М., 1954. – Вып. 1. – С. 140-156.
7. Левик В. О точности и верности / В. В. Левик // Мастерство перевода: 1958. – М., 1959. – Вып. 1. – С. 268-280.
8. Любимов Н. О переводах К. Бальмонта / Н. М. Любимов // Русская литература. – 2007. – № 1. – С. 257-261.
9. Орлов В. К. Бальмонт. Жизнь и поэзия / В. Н. Орлов // Бальмонт К. Стихотворения. – Л., 1969. – С.3-9.
10. Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. / Б. Л. Пастернак. – М.: Художественная литература, 1991. – Т.5: Заметки переводчика. – 1991. – С. 393-397.
11. Романенко А. Эхо в лесу / А. Д. Романенко // Бальмонт К. Золотая россыпь. – М.: Искусство, 1990. – С. 3-14.
12. Тэффи Н. К. Бальмонт / Н. А. Тэффи // Возрождение. – 1955. – № 47. – С. 60-63.
13. Федоров А. И. Анненский – лирик и драматург / А. В. Федоров. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 145 с.

14. Цветаева М. На рубеже веков / М. И. Цветаева. – М.: Современник, 1989. – 153 с.
15. Чуковский К. В защиту Шелли / К. И. Чуковский // Весы. – 1907. – № 3. – С. 62-74.
16. Эткинд Е. Русская переводная поэзия XX в. / Е. Г. Эткинд // Мастера поэтического перевода. – М.: Прогресс, 1997. – С.5-47.

Анотація

Ж. О. Кононова. Перекладацька діяльність К. Бальмонта в контексті розвитку російської перекладацької школи

У статті простежується історія літературного перекладу в Росії, досліджуються особливості перекладацького методу К. Бальмонта, сильні та слабкі сторони його перекладацької манери. Переклади Бальмонта оцінюються в рамках традицій двох протилежних шкіл – вільного і буквального перекладу. Перекладацький метод Бальмонта передбачає значно більшу свободу відносно до тексту, що перекладається, ніж це було заведено у перекладацькій практиці на початку XX століття, з її прагненням до відтворення формальної структури оригіналу. Продовжуючи традицію «вільного» перекладу, Бальмонт прагне відбити поетичну цінність твору, що перекладається, його художньо-естетичний вплив, опираючись при цьому на власне художнє світовідчуття. Слідуючи своїм перекладацьким установам, Бальмонт насамперед відобразив у перекладах образність, зміст, філософію оригіналу, нерідко відступаючи від його форми, змінюючи кількість рядків, риму, розмір, переказуючи фрагменти тексту, або «домислюючи» його. Творча індивідуальність Бальмонта настільки глибока, що його переклади органічно вбудовуються в контекст його оригінальної лірики, насичені образами і мотивами, властивими модерністській поезії кінця XIX – початку XX століття.

Ключові слова: символізм, буквалізм, вільний переклад, інтертекст, суб'єктивізм.

Аннотация

Ж. А. Кононова. Переводческая деятельность К. Бальмонта в контексте развития русской переводческой школы

В статье прослеживается история литературного перевода в России, исследуются особенности переводческого метода К. Бальмонта, сильные и слабые стороны его переводческой манеры. Переводы Бальмонта

оцениваются в рамках традиций двух противоборствующих школ – вольного и буквального перевода. Переводческий метод Бальмонта предполагает значительно большую свободу в отношении переводимого текста, чем это было принято в переводческой практике начала XX века, с ее стремлением к воссозданию формальной структуры подлинника. Продолжая традицию “вольного” перевода, Бальмонт стремится воспроизвести поэтическую ценность переводимого произведения, его художественно-эстетическое воздействие, опираясь при этом на собственное художественное мироощущение. Следуя своим переводческим установкам, Бальмонт прежде всего отражает в переводах образность, содержание, философию подлинника, нередко отступая от формы оригинала, меняя количество строк, рифму, размер, пересказывая фрагменты текста, либо «домысливая» его. Творческая индивидуальность Бальмонта столь глубока, что его переводы органично встраиваются в контекст его оригинальной лирики, насыщены образами и мотивами, присущими модернистской поэзии конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: символизм, буквализм, вольный перевод, интертекст, субъективизм.

Summary

Zh.A. Kononova. Translation Works of K. Balmont in the Context of the Development of Russian Translation School

The history of literary translation in Russia is traced in the article; the characteristics of K. Balmont’s translation method, strong and weak points of his translation manner are examined. Translation works of Balmont are studied in the context of the traditions of two opposing schools – free and literal translation. Balmont’s method of translation assumes much more freedom than it was used in the early nineteenth century practice of translation, with its aspiration for recreation of formal structure of the original. Following the tradition of “free” translation, Balmont aspires to reproduce the poetic values of the original, its artistic and aesthetic impact, guided by his own artistic views. Following his translation priorities, Balmont primarily reflects in his works the imagery, content, and philosophy of the original, often departing from its form, changing the number of lines, rhyme and metre, narrating the text, or “speculating” on it. Creative individuality of Balmont is so deep that his translations are naturally introduced in the context of his original lyrics, full of images and motifs which characterize the Modernist poetry of the late 19th– early 20th century.

Key words: symbolism, literalism, free translation, intertext, subjectivity.

Інформація про автора

Кононова Жанна Олександрівна – ORCID: 0000-0002-9028-171X; докторант кафедри російської та світової літератури; доцент кафедри англійської філології Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна